

3634⁷чк

Ф. Нефедовъ.

ЗИГДА.

(Башкирская легенда).

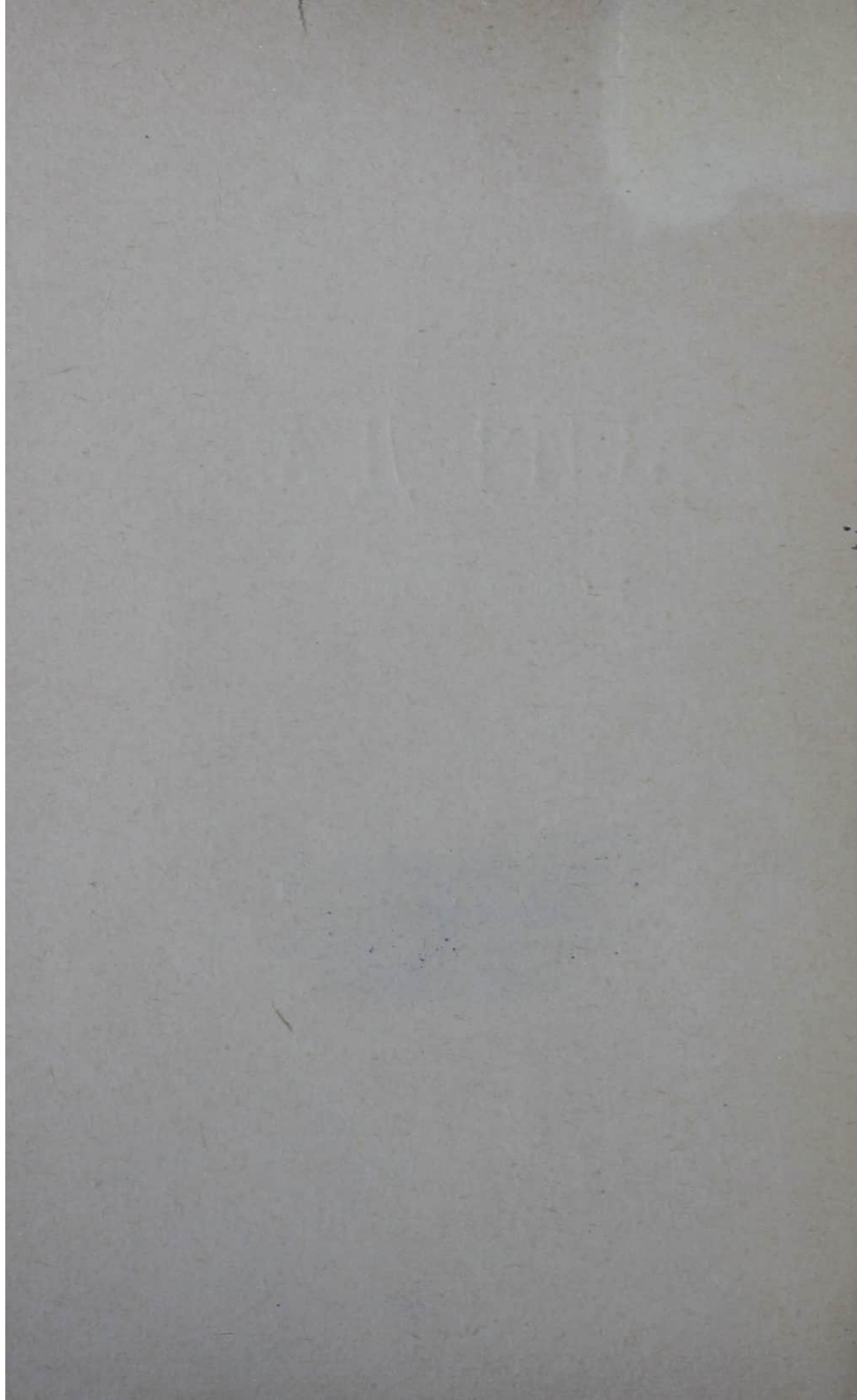
ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
КЛУБНАЯ БИБЛИОТЕКА

УДЕЛ КРАЕВОЙ

Библиотека
„Общественной Пользы“
Серия III. № 13

1905.

3634.чк

Ф. Нефедовъ.

ЗИГДА.

(Башкирская легенда).

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ОТДЕЛ КРЕВОВОЙ

Библиотека
„Общественной Пользы“
№ 13

1941

94

-- 2010

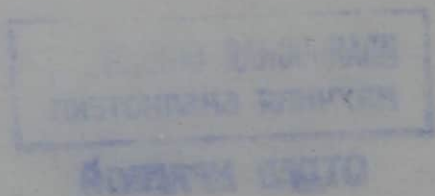
Д 1898-11

Ф. Неёдова

Э. Н. Т. Д. А.

(Российская Империя)

Дозволено цензурою, Спб., 2 марта 1905 г.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.

1100

ЗИГДА.

Башкирская легенда.

I.

Веселая, живая и смѣлая была эта Зигда. Съ утра ауль слышитъ ея грудной смѣхъ и голосъ.

— Зигда работаетъ,—говорять въ кошахъ *).

По степи бѣшено мчится молодая женщина на лихомъ конѣ, держа наготовѣ арканъ...

— Зигда гонитъ за косякомъ,—говорять башкиры:—знать, лошадь хочетъ поймать.

Весною и лѣтомъ, передъ вечеромъ, по аулу льются звуки курая и несется пріятный женскій голосъ.

— Зигда играетъ,—говорять. — Ай, ай, какъ весело играетъ!

Въ долинѣ, близъ свѣтлыхъ водъ рѣки, передъ своимъ кошемъ, стоитъ молодая женщина средняго роста, въ розовомъ зюленѣ **); голубая шапочка, унизанная бисеромъ, слегка прикрываетъ ея голову; двѣ густыя черныя косы, съ серебряными и золочеными украшениями, лежатъ по спинѣ ниже пояса; красивое

*) Кошь—войлочная кибитка.

***) Зюлень—платье.

смуглое лицо оживлено, изъ-подъ черныхъ бровей горятъ большіе темнокаріе глаза; полная, красивыя губы полуоткрыты. Она поетъ и играетъ на тростниковой дудкѣ. Толпа молодыхъ башкиръ, парней и дѣвокъ, обступили Зигду; на густой травѣ сидятъ и лежатъ старики; у кошей стоятъ, приложивъ руку къ щекамъ, женщины и внимательно слушаютъ.

Веселитесь, дѣвушки,
Веселитесь, красныя!
Молодость измѣнчива,
Пролетитъ—не скажется.
Пока дѣвушка—
Нѣтъ заботушки:
Гуляй, дѣвушка,
Веселись, свободная!

— Слышь, какъ дѣвокъ-то она учитъ!—переговариваются между собою старики.—Правду она играетъ: дѣвкамъ и веселиться, а замужъ выдутъ—обложатся ребятами,—и конецъ веселью.

Удалые батыри,
Смѣлые джигиты!
Не спѣшите, молодцы,
Дѣвицъ братъ въ замужество:
Дѣвушка хорошая,
Дѣвушка пригожая;
Кто дѣвицей не любитъся,
Пѣснь о ней не складываетъ?
Отъ любви къ дѣвицамъ
Удальцы храбрѣи становятся
И несутся въ бой, отважные,
Не боясь врага-татарина,
Ни киргиза хищнаго.
Старики на дѣвушекъ посматриваютъ,
Вспоминаютъ свою молодость
Да съдинками потряхиваютъ:
„Какъ бы намъ оиять
Да быть джигитами!“
А мужики глядятъ-дивуются:
„Что за дѣвушки, красавицы!..
Да откуда жъ бабы“?..

Громкій смѣхъ заглушаетъ послѣднія слова пѣсни.

— Плутъ-баба!—раздаются голоса:—смѣнешся надъ нами, женатыми.

Подавайте, дѣвицы,
Руки молодцамъ,
Каждая по выбору,
Кто ей по сердцу:
Заводите перепелицу *).

— Надо ее замужъ отдать,—посмѣивались башкиры.—
Что безъ мужа ей оставаться!

II.

Зигдѣ девятнадцать лѣтъ. Три года она замужемъ, но мужъ съ нею жилъ только одинъ годъ: Арасланъ погналъ въ Бухару косяки лошадей и стадо барановъ; товарищи его вернулись, а онъ остался и не шлетъ о себѣ никакой вѣсти Зигдѣ.

— Глупый человѣкъ,—говорили о немъ въ аулѣ.—
Что ему тамъ дѣлать? Покинулъ жену...

— Дуракъ!—повторяютъ башкиры.—Къ этакой бабѣ да не тянетъ его! Жить съ Зигдою—одно веселье и покой.

— Да живъ ли онъ?.. Можетъ, ногой или киргизъ угодилъ въ него стрѣлой? Али богатства въ Бухарѣ остался наживать?

Къ Зигдѣ уже сватались женихи.

— Арасланъ не придетъ,—говорили они:—онъ въ дорогѣ убитъ. Не жди его. Выбирай изъ насъ любого, и бери себѣ новаго мужа.

*) „Перепелица“ или перепелка—любимый башкирскою молодежью танецъ.

— Я не одна, — весело отвѣчала Зигда: — со мною мужъ!

— Какой мужъ?!

— Арасланъ.

— Да онъ же въ Бухарѣ!.. Если его не убили, такъ онъ въ плѣну. Можетъ, онъ тамъ и женился?

— Нѣтъ, Арасланъ не возьметъ другой жены; не возьметъ другого мужа и Зигда: Арасланъ здѣсь, — и Зигда показала рукою на свою высокую грудь.

Никто не видалъ Зигды печальною, никто не слышалъ отъ нея вздоха: смѣется, поетъ, работаетъ, и всегда довольна собою.

— Чудная баба, — дивился ауль: — мужъ пропалъ, а ей и горя мало!.. Не хочетъ брать и другого...

Но горы и потоки не разъ слышали жалобы Зигды:

Горы высокія, горы прекрасныя!

Къ небу вершинами вскинулись...

Горы высокія, горы прекрасныя!

Изъ поднебесья лазурнаго, свѣтлаго

Все и далеко вы видите.

Скажите, не скройте, повѣдайте,

Горы высокія, горы любезныя,

Кого вы тамъ видите,

Кого вы тамъ смотрите?

Не скачетъ ли по степи

Отъ ханства Бухарскаго

Статный башкирь,

На гнѣдомъ жеребцѣ?

Но горы слушали и молчали. Зигда обращалась къ горнымъ потокамъ:

Потоки гремячіе,

Потоки вы быстрые!

Куда вы стремитесь,

Куда вы бѣжите, торопитесь:

Не къ морю ли синему,

Не къ ханству-ль Бухарскому,

Гдѣ живетъ башкирь молодой?

Я знаю, туда вы стремитесь!

Отнесите жъ отъ Зигды
Привѣтъ Араслану,
Поклонъ сыну Рамзая;
Скажите ему:
Ждетъ его Зигда домой,
Ждетъ днями и ночью,
Ждетъ отъ зари до зари;
Ждутъ косяки и стада,
Ждутъ горы и степи
Родной стороны;
Ждетъ его кошь дорогой
Съ кумысомъ, съ подушками мягкими.
О, вернись, Арасланъ!
Вернись скорѣе къ Зигдѣ своей...

Потоки гремятъ, скачутъ и безумно хохочутъ.

III.

Третью весну Зигда встрѣчаетъ безъ мужа; не отнесли потоки жалобъ и поклона ея мужу!

Ауль выступилъ на лѣтовку.

Какое веселье кругомъ, какая радость въ лѣсахъ; улыбаются первые цвѣты на изумрудныхъ лугахъ, блестятъ воды рѣкъ и озеръ, и, стряхнувъ зимній покровъ, въ голубомъ поднебесьи сияютъ вершины горъ. По долинамъ бѣлѣются коши; вездѣ довольныя и веселыя лица, счастливые голоса и шумъ. Воздухъ поетъ и ликуетъ. Вдали гуляютъ стада, рѣзвятся косяки лошадей. Приволье, просторъ, свобода!

Зигдѣ нѣтъ отбоя отъ жениховъ.

— Не жди ты Араслана,—говоритъ молодой джигитъ:—забылъ онъ тебя.

— Арасланъ давно убитъ,—говоритъ другой:—мертвый не придетъ къ тебѣ.

— Не вѣрь имъ, Зигда,—вступаетъ третій, пожилой башкиръ въ шелковомъ бешметѣ и въ собольей шапкѣ:—Арасланъ живъ. Его видѣли сосѣди въ Бухарѣ, онъ съ двумя женами и дѣтьми гулялъ на базарѣ. Не бери ты себѣ молодого мужа,—молодой народъ вѣтреный. Найди себѣ мужа постарше: такой мужъ не покинетъ жены, будетъ ее любить и подарки дорогіе станеть дѣлать...

Слушаетъ Зигда, глядитъ на жениховъ и смѣется.

— Или вправду мнѣ взять мужа?—говоритъ она.— Подождите, дайте мнѣ время... Я найду себѣ мужа.

— Вотъ это ты хорошо сказала!—обрадовались женихи.—Мы станемъ ждать... Только ты, пожалуйста, долго не тяни.

Зигда сидитъ въ своемъ кошѣ. На лицѣ ея забота, въ темныхъ глазахъ глубокая дума. Не хорошо вдовѣть молодой женщинѣ: кому смотрѣть за стадами, кто будетъ искать лошадей, когда онѣ убѣгутъ далеко, кто погонитъ скотъ на мѣну въ другія земли? Но это еще не бѣда: Зигда за себя постоитъ и съ помощью добрыхъ людей справится. Не страшень ей и шайтанъ; молодымъ вдовамъ и женщинамъ, которыя подолгу остаются безъ мужей, онъ любитъ что-то шептать на ухо, и отъ его нечестиваго шопота молодая женщины часто плачуть и не спятъ ночи... Зигда не боится шайтана, но безъ мужа она завянетъ: такъ говоритъ ей сердце. Зигда найдетъ мужа—она рѣшила.

Зигда шьетъ мужскую рубашку. Кто изъ женщинъ къ ней ни заглянетъ, видять ее за работою.

— Правду, знать, она замужъ задумала,—говорять:— свадебные подарки заготовляетъ.

— Хорошо она удумала: давно пора ей мужа взять. По кошамъ только и говорю, что про Зигду.

— Кого она выбереть?

Прошелъ день, прошло два—Зигды на кочевкѣ не видать... Сосунки-жеребятки отвязаны отъ колышковъ и спущены на волю, гуляютъ вмѣстѣ съ матками въ степи; хозяйство ведетъ старуха.

— А гдѣ дочь?

— Ушла въ гости.

Недѣля минула, другая, а Зигда не возвращалась. Богатый вдовецъ, женихъ, ударился въ ауль, куда она ушла гостить. Тамъ Зигда и не бывала. Всполошились. Поскакали на кочевки въ другіе аулы: нигдѣ и никто не видалъ Зигды.

— Парень изъ вашего аула,—малайка, проходилъ, а бабы не видали.

Пропала Зигда.

— Видно, шайтанъ ее утащилъ!—рѣшилъ ауль.

IV.

Давно остались позади горы, скрылись и послѣднія кочевки башкиръ. Впереди и кругомъ безъ конца разстилается степь; изрѣдка встрѣчаются рѣчки. По дорогѣ, выбитой копытами лошадей и барановъ, идетъ молоденькій паренекъ-башкиръ, въ легкомъ чекменѣ, барашковой шапкѣ, съ котомкою за плечами и палкою въ рукѣ. Смѣло шагаетъ парень впередъ, глядитъ по сторонамъ и по-временамъ оглядывается назадъ. На степи нигдѣ живой души непримѣтно. Солнце стоитъ

высоко и печеть. Вотъ неподалеку зазеленѣлись кусты и потянулись, изгибаясь, куда-то вдаль; изъ-за листьевъ сверкнула вода. Парень догадался, что это текла рѣчка. Онъ свернулъ съ дороги и пошелъ къ зеленымъ кустамъ. Присѣлъ на бережку, скинулъ шапку, снялъ котомку и принялся ѣсть. Подкрѣпился, зачерпнулъ деревянною чашкою воды и напился. Посмотрѣлъ онъ въ ту сторону, откуда шель: тамъ, на самомъ краю неба, словно далекія розоватыя и молочныя облака, виднѣлись горы. Долго онъ глядѣлъ, двѣ слезы выкатились изъ его глазъ, вздохнулъ и досталъ изъ-за чекменя курай. Тихая рѣчка и степь услышали пѣсню.

Покинула родину я,
Не вижу аула родного,
Не вижу я мать и знакомыхъ своихъ:
Только однѣ горы высокія,
Горы родины милой
Провожаютъ меня.
Покинула кошъ свой любезный,
Никому не сказалась,
И пошла въ страну незнакомую,
Въ страну неизвѣстную...

Пѣвецъ поправилъ на головѣ волосы, надѣлъ шапку, и, закинувъ за плечи котомку, отправился въ путь.

Солнце далеко перевалило за полдень. Парень идетъ и оглядывается. Позади горы таютъ, вокругъ разстилается ковыль, и впереди одна степь, степь безъ конца. Въ прозрачномъ воздухѣ высоко парятъ орлы... Вдали показалось что-то свѣтлое, широкое... Башкиръ смотритъ—передъ нимъ, море! Онъ приостановился. Некуда идти... Осмотрѣлся, нельзя ли гдѣ обойти? Нѣтъ, вездѣ вода.

— Пойду,—сказалъ.—Можетъ, тамъ найду лодку...

Долго онъ шель, но до моря все не дойдетъ; чѣмъ ближе, казалось, подвигался къ нему, тѣмъ дальше оно отступало: потомъ незамѣтно растаяло и пропало. Подивился парень, и тутъ же вспомнилъ рассказы башкиръ, которые гоняли скотъ, что они также встрѣчали по дорогѣ моря, но это было одно навожденіе—шутки злого шайтана. Передъ вечеромъ показались коши—тамъ кочевали ногайцы. Откуда взялись, скачутъ навстрѣчу вершники, въ халатахъ и высокихъ шапкахъ. Остановились и подпустили паренька къ себѣ.

— Ты куда идешь?—окликнулъ старикъ.

Башкиръ понялъ вопросъ.

— Иду въ Бухару,—отвѣчалъ.—Тамъ братъ у меня...

— А зачѣмъ ты идешь къ брату?

— Отецъ послалъ. Велѣлъ брату сказать, чтобы онъ домой шель.

Переговорили между собою ногайцы, оглядѣли съ ногъ до головы башкиренка.

— А что у тебя въ котомкѣ?

Парень показалъ: мужская рубашка, шальвары, полотно и хлѣбъ съ чашкой.

— Ступай,—промолвилъ старикъ.—Багушь! *)

Но молодой ногай, сверкнувъ глазами, остановилъ и спросилъ:

— Что у тебя изъ-за пазухи торчитъ?..

Парень вынулъ курай.

— А! дудка?.. Играй!

Башкиренкокъ приложилъ къ губамъ курай и заигралъ.

*) Багушь—бѣдный, нищій.

— Якши *)... Айда въ аулъ!

Парень шелъ и игралъ, а ногайцы ѣхали по сторонамъ его.

Изъ аула, слышавъ курай, высыпали ногайчата, изъ кошей выглянули женщины, повязанныя бѣлыми платками, и показались широкоскулые въ халатахъ ногайцы. Вершники кричатъ:

Вотъ мы какого парня ведемъ!

Народъ сбѣжался съ кочевья, всѣ хотятъ слушать башкиренка. У одного коша, самаго большого и богатаго, на коврѣ сидѣлъ хозяинъ, высокій, въ цвѣтномъ шелковомъ бешметѣ; онъ налилъ большую чашку кумыса и подаль курайщику:

— Пей,—сказалъ.—Ты, чай, усталъ.

Сотни глазъ устремлены на молодого башкира, словно на какое чудо. Женщины и дѣвушки стояли особо, въ сторонкѣ; многія изъ нихъ, поглядывая на красиваго парня, переговаривались между собой и втихомолку улыбались.

— Ну, теперь играй, малай! **).

Курайщикъ завелъ пѣсню. Онъ пѣлъ про свою родину, красоты природы Башкиріи и мирное житье свободныхъ башкирей. Потомъ звуки полились протяжнѣе и грустнѣе, тоска и скорбь въ нихъ слышались. Суровыя лица ногайцевъ смягчались, глаза смотрѣли мягче и добрѣе; женщины тихо вздыхали, а на глазахъ дѣвушекъ навертывались слезы.

— Якши... Бикъ якши!—слышались голоса.

*) *Якши*—хорошо, *бикъ якши*—очень хорошо.

***) *Малай, малайка*—подростокъ, паревекъ.

Пѣвецъ пріостановился, чтобы перевести духъ. Хозяинъ коша сказалъ:

— Больно ты хорошо играешь, малай. Только пѣсни твои не веселы. Сыграй намъ веселое!

Парень началъ плясовую. Ногайцамъ понравилось, они смѣялись, хлопали руками и покрикивали:

— Ай, малайка! Молодецъ!.. играй больше, весели наше сердце!

Большимъ огненнымъ шаромъ опускалось солнце на свой ночлегъ. Кочевья, стада и степь обливались его пламенными лучами; все небо горѣло и полыхало. Курайщикъ поднялся.

— Пора.

— Слушай, малай,—говорилъ хозяинъ:—пойдешь ты дорогой, будетъ ауль. Если тебя остановятъ, скажи, что тебѣ надо видѣть Ахмета Шакира. Отнеси ему отъ меня поклонъ и скажи, что Махметъ Гирей Тимашевъ просить его указать тебѣ дорогу къ другому аулу и послать къ своему кунаку. Онъ пойметъ... Тогда тебя никто не обидитъ, и ты благополучно пройдешь до Бухары.

V.

Лѣтнее солнце жгло и палило курайщика; степь чѣмъ дальше, тѣмъ печальнѣе становилась, нигдѣ ни деревца, ни кустика, одни солончаки съ блѣдной, малорослой травкой; изрѣдка гдѣ попадались рѣчки или озерки. Парень купался: если не видѣлъ близко кочевья и народа. Днемъ онъ гдѣнибудь спалъ на степи, подъ открытымъ небомъ, и какъ только жара свалить,

пускался въ путь; ночевать въ аулахъ почему-то избѣгалъ. Приближаясь передъ вечеромъ къ кочевью, онъ начиналъ играть. Его встрѣчали, вели въ аулъ и заставляли играть, пѣть; въ благодарность за это курайщика вездѣ кормили и поили айрянномъ или кумысомъ. На дорогѣ нерѣдко парня останавливали; тогда онъ называлъ имя старшины или начальника, и его отпускали. Спасибо Махмету Гирею! Миновалъ курайщикъ ногайскую степь; начальникъ послѣдняго кочевья послалъ его къ своему пріятелю, старшинѣ киргизскаго аула. Въ этомъ аулѣ съ нимъ чуть не случилась бѣда. Здоровый киргизъ, въ халатѣ и рысей шапкѣ, зорко смотрѣлъ на молодого курайщика; въ узкихъ глазахъ киргиза замелькали разные огоньки—дурной признакъ!—онъ визгливо засмѣялся и крикнулъ:

— Да ты не парень!

Курайщикъ смутился.

— Нѣтъ,—я парень.

— А волосы зачѣмъ шапкой носишь?

— Въ Башкиріи подростки всѣ такъ носятъ...

Жена старшины, не спуская глазъ съ башкиренка, шепнула что-то мужу. Тотъ повернулся къ допросчику,

— Молчи!—грозно крикнулъ старшина.—Малай—гость, онъ поклонъ мнѣ отъ Сейфуллы Ямбаева принесъ... Ты у насъ ночуешь, малай,—прибавилъ онъ въ сторону курайщика.

Киргизъ замолчалъ, только еще больше сузилъ глаза и прищелкнулъ языкомъ.

Погодя, старшина повелъ гостя въ свой кошъ. Какъ только они вошли, жена спросила:

— Зачѣмъ ты парнемъ нарядилась?

Гость признался и рассказал хозяевамъ про свою судьбу.

— Ахъ, ты бѣдная,—пожалѣла киргизка.

— Теперь ты не бойся,—проговорилъ хозяинъ.— Баба мнѣ шепнула, я нарочно тебя ночевать оставилъ. Абдулка—разбойникъ, онъ бы тебя догналъ. Сосни, а на зарѣ пойдешь.

Онъ посовѣтоваль-было Зигдѣ обрѣзать волосы, но та не захотѣла расстаться съ густыми своими косами. Хозяйка сама вымыла ей горячей водой голову, расчесала волосы костянымъ гребнемъ, снова подобрала и уложила ихъ по-прежнему колпачкомъ.

Небо только-что заблѣлось, а ужъ Зигда простилась съ хозяевами и оставила гостепріимный кровъ.

Горячими, раскаленными песками шла Зигда; въ теченіе сутокъ нигдѣ жилья не встрѣчала, не находила воды, чтобы утолить жажду, проливные дожди и грозы заставляли ее въ пути. Больше мѣсяца она шла, переносила всѣ невзгоды, лишенія и опасности. Она молилась богамъ, утѣшала себя игрой на курафъ и пѣніемъ. Осталась, наконецъ, позади и печальная степь, увидѣла и большую рѣку, поросшую по берегу тростникомъ и камышами. Зигда вздохнула свободнѣе—теперь ужъ недалеко до Бухары! Свою радость она излила въ звукахъ, которые привлекли къ ней множество большихъ птицъ, и заставила слушать въ рѣкѣ рыбъ. Изъ прибрежныхъ камышей просунулась большая голова звѣря, голова, похожая на кошачью, съ пятнистымъ лбомъ; звѣрь не трогался и слушалъ; потомъ онъ опустил голову и легъ. Вблизи съ дороги раздались голоса. Зигда увидѣла какихъ-то новыхъ людей, непохожихъ

ни на киргизовъ, ни на ногайцевъ: это ѣхали верхами сарты съ своими женами. Зигда поспѣшно встала и поспѣшила къ нимъ навстрѣчу. Тѣ пріостановились. Она обратилась къ нимъ со словами: далеко ли до Бухары, и такъ ли она идетъ. Тѣ слушали ее и молчали: они не знали башкирскаго языка. Но одинъ, должно быть, понялъ или догадался, показавъ рукою и что-то сказалъ. Другой досталъ изъ мѣшка хлѣба, дыню и изюму, подаль Зигдѣ. Новыя красивыя мѣста открылись, стали попадаться селенія съ бѣлыми хижинами и садами; въ нихъ—привѣтливыя женскія лица, высокіе съ черными бородами мужчины, стройные парни.

VI.

Бухара велика. Много селеній прошла Зигда; не въ одномъ городѣ она побывала, встрѣчала разныхъ людей и между ними башкиръ, спрашивала объ Арасланѣ. Никто не зналъ, гдѣ Арасланъ Рамзаевъ. Скоро въ Бухарѣ заговорили про молодого курайщика-башкиренка. Въ селеніяхъ и городахъ, гдѣ только былъ базаръ, появлялась и Зигда въ чекменѣ и шальварахъ; около нея собирались толпы народа, слушали ея игру и пѣсни.

За песками сыщучими,
За степями ногайскими
Вздываются горы высокія,
Съ долинами изумрудными,
Рѣками, озерами свѣтлыми,
Потоками быстрыми.
Тамъ степи волнистыя
Травой-ковылемъ разстилаются,
Цвѣтами разубраны:
То край мой родимый,
Вольныхъ башкировъ страна!

Бухарцы и чужестранные люди, слушавшіе курайщика, не понимали словъ, но звуки и голосъ плѣняли ихъ слухъ. Одни башкиры знали, про что поетъ ихъ землякъ, довольно вздыхали и приговаривали:

— Такъ, правду малай ѣиграетъ. Лучше Башкиріи нѣтъ страны въ свѣтѣ!

— А какую пѣсню онъ ни поетъ, все про Араслана поминаетъ. Надо спрашивать, не знаетъ ли кто его?

Въ одномъ городѣ Зигда также играла на базарѣ, гдѣ были и башкиры. Услыша имя Араслана, башкиры стали переговариваться.

— Да не тотъ ли это Арасланъ, что работаетъ въ садахъ Мурзы?

— Пожалуй, что онъ: зовутъ Арасланомъ Рамзаевымъ...

Распросили курайщика, какого Арасланъ башкирскаго рода и изъ какого аула, давно ли онъ покинулъ свою родину.

— Такъ мы знаемъ Араслана!—сказалъ одинъ изъ башкиръ.—Ты найдешь его въ самомъ городѣ Бухарѣ: тамъ ихъ трое у богатаго Мурзы Алыбаева служатъ.

— Какъ мнѣ найти его тамъ, добрые люди?—спросила, обрадовавшись Зигда.

— А будешь на базарѣ, встрѣтишь кого изъ нашихъ, и спроси, гдѣ сады Мурзы Алыбаева. Да на базарѣ ты и самого Араслана увидишь.

Большой городъ Бухара, въ которомъ живетъ самъ ханъ, владыка надъ жизнью и смертью своихъ подданныхъ и рабовъ. Много Зигда увидѣла домовъ каменныхъ, башенъ съ золотыми серпами наверху, узкихъ и кривыхъ улицъ, базаръ съ лавками, въ которыхъ

Зигда.

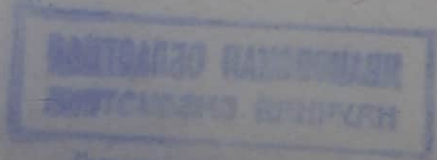

ИВАНОВ КРЕВОН

продавали шелковыя матеріи, сундуки, а на площади горами навалены были арбузы, дыни, груши, лежали мѣшки съ изюмомъ и стояли короба съ виноградомъ. Много всякаго народа толпилось на базарѣ, богатыхъ и бѣдныхъ, босоногихъ, грязныхъ, оборванныхъ невольниковъ. Душа Зигды заплакала, сердце печалью охватило, и она запѣла:

Хороши города и селенія ваши,
Есть на что посмотрѣть!
Въ шелкахъ, жемчугахъ и монистахъ
Ходятъ красивыя женщины, дѣвушки,
Съ головами, покрытыми серебристыми тканями;
Пригожи, ловки здѣсь юноши,
Взоры ихъ блещутъ огнемъ.
Много богатства, довольства въ странѣ...
Но душно, тѣсно въ стѣнахъ городскихъ,
Гдѣ рабы и невольники служатъ!..
Нѣтъ здѣсь свободы, простора,
Какъ въ нашей странѣ,
Башкиріи вольной, прекрасной,
Гдѣ люди свободны, какъ птицы,
Живутъ въ аулахъ, по горнымъ долинамъ,
Въ кочевьяхъ, въ степяхъ благодатныхъ, веселыхъ...
О, Арасланъ, гдѣ ты, откликнись
На пѣсню курая, пѣсню любезной страны!

— День поетъ Зигда, другой—нѣтъ Араслана, не видитъ его въ толпѣ народа. Сердце ея рвалось къ мужу, скорѣе хотѣлось взглянуть на своего милаго; но она не шла въ сады Мурзы Алыбаева, она ждала, что Арасланъ придетъ на базаръ, услышитъ знакомый голосъ, игру на кураѣ, и узнаетъ свою жену. Третій день Зигда на базарѣ. Поетъ она про башкира, который ушелъ со стадами въ чужую землю, покинулъ молодую веселую жену, позабылъ свою родину.

Два года жена дожидалася
Мужа негоднаго, нехорошаго,
На третій годъ не стерпѣла она,
Собралась и пошла въ страну дальнюю
Отыскать мужа заблудшаго...

— А вѣдь это Зигда играетъ!—раздался голосъ, и сквозь толпу проталкивался высокій молодой башкиръ, съ чернымъ усомъ и въ шапкѣ на затылкѣ.—Нѣтъ, это малайка, изъ нашихъ... Кто ты, малай, изъ какого рода?

Зигда вскинула на башкира свои темнокарие глаза, посмотрѣла на него и покачала головой.

— Ахъ, ты глупый, человѣкъ!—проговорила она.— Ему мало, что голосъ слышитъ: онъ еще спрашиваетъ? Гляди!—съ послѣднимъ словомъ Зигда сорвала съ головы шапку, густые волосы ея скатились волнами и рассыпались по плечамъ...

— Зигда!—вскричалъ башкиръ.

— А то кто же, какъ не я!

И слезы ручьями хлынули изъ глазъ молодой, красивой женщины.

Удивленіе толпы быстро перешло въ громкій смѣхъ, слышались веселые и довольные голоса:

— Вотъ такъ курайщикъ! Ай, малайка! баба, а не парень! Молодецъ!

Осенью на двухъ верблюдахъ, навьюченныхъ всякимъ добромъ, шелковыми матеріями и бухарскими тканями, воротились на родину Зигда съ Арасланомъ. Весь аулъ высыпалъ имъ навстрѣчу, всѣ радостно привѣт-

ствовали ихъ, въ томъ числѣ и женихи, крѣпко жали имъ руки и говорили:

— Здорово! оба пріѣхали. Вотъ это ладно... Ай, Зигда! нашла мужа.

— Да, ловко насъ она провела,—говорили, весело посмѣиваясь женихи.—А мы, дураки, ждали...

— Я не обманула васъ,—отвѣчала Зигда:—мужа я себѣ нашла.

Цѣлую недѣлю пироваль ауль, празднуя новую свадьбу Зигды съ Арасланомъ. Молодые, мужъ и жена, не пожалѣли барановъ и быковъ, кумыса и крѣпкаго меду. А сколько Зигда подарковъ раздала женщинамъ и дѣвушкамъ! Арасланъ недаромъ зажился въ Бухарѣ: много всего онъ вывезъ оттуда на родину.

Башкиры до сихъ поръ не забыли смѣлой Зигды; курайщики поютъ про ея даръ играть пѣсни, про любовь, вѣрность и сильный характеръ.

УДЕЛ КРАЕВОЙ

Библиотека „Общественной Пользы“.

Серія I:

Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи	Ц. 1 р. — к.
Каутскій. Изъ исторіи общественныхъ теченій, т. I	» 2 » — »
Юллось. Письма изъ Берлина	» 2 » — »
Кауфманъ А. Переселеніе и колонизація	» 2 » — »
Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня	» 2 » — »
Корниловъ А.—Очерки по ист. обществ. движенія и крест. дѣла	» 2 » — »
Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія	» 1 » 50 »
Арсеньевъ. Свобода совѣсти и вѣротерпимость	» 1 » 50 »
Склонъ. В. По земскимъ вопросамъ т. I	» 1 » 50 »

Серія II:

№ 1. Лассаль Ф. О сущности конституціи	Ц. — р. 7 к.
№ 3. Герценштейнъ М. Аграрный вопросъ (Націонализація земли, Крест. Банкъ, Выкупн. операція)	» — » 50 »
№ 4. Щеголевъ П.—Первый декабристъ В. Раевскій	» — » 30 »
№ 5. Поль Луи. Рабочее законодательство въ странахъ стараго и новаго свѣта	» — » 30 »
№ 6. Струмилинъ Ст. Богатство и трудъ. Съ прил. „Кратк. указат. литературы марксизма“	» — » 40 »
№ 7. Цейтлинъ С. Учредительныя и законодат. собранія въ конст. государствахъ	» — » 50 »
№ 8. Цейтлинъ С. Избирательное право въ современныхъ конституц. государствахъ	» — » 20 »

Серія III:

№ 1. Гаршинъ В. М. То, чего не было. Лягушка-путешественница. Сказка о жабѣ и розѣ	Ц. — р. 3 к.
№ 10. Нефедовъ Ф. Въ туманѣ	» — » 10 »
№ 11. Каронинъ С. Снизу вверхъ. Исторія одного рабочаго	» — » 35 »
№ 12. Гаршинъ В. Трусъ	» — » 5 »
№ 13. Нефедовъ Ф. Зигда. Башк. легенда	» — » 3 »
№ 14. Айзманъ Д. Исторія одного преступленія	» — » 4 »
№ 15. Гаршинъ В. Пльница. Attalea princeps	» — » 2 »
№ 16. Гаршинъ В. Четыре дня	» — » 3 »

Книжный складъ товарищества «Общественная Польза».

СПБ., В. Подъяческая 39, соб. д.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 30 Сентября 1905 г.

Цѣна 3 коп.

